

- Роберт ГОВАРД

- 1. КОНАН ТЕРЯЕТ ТОПОР
 - 2. КОЛДУН ИЗ ГВАВЕЛИ
 - 3. ПОЛЗУЩИЕ ВО ТЬМЕ
 - 4. ЗВЕРИ ЗОГАРА ЗАГА
 - 5. ДЕТИ ИРГАЛА ЗАГА
 - 6. КРОВАВЫЕ ТОПОРЫ ПОГРАНИЧЬЯ
 - 7. ДЕМОН В ОГНЕ
 - 8. КОНЕЦ КОНАЙОХАРЫ
-

Роберт ГОВАРД

ЗА ЧЕРНОЙ РЕКОЙ

Валерия осталась лишь эпизодом в жизни Конана, как и все остальные женщины, кроме той, которой он сделал королевой Аквилонии. Одинокий варвар странствовал по свету и вернулся, наконец, в родную Киммерию. Там дошла до него весть, что аквилонцы, которых горький урок крепости Венариум ничему не научил, опять расширяет свои владения к западу, вторгаясь в леса, населенные племенами пиктов, или, как их называли, Пиктейские Дебри. Значит, впереди снова было кровопролитие и много работы для таких искусных воинов, как Конан.

1. КОНАН ТЕРЯЕТ ТОПОР

На лесной тропе стояла такая тишина, что даже мягкие сапоги, казалось, поднимают немыслимый шум. Именно так думал одинокий странник и двигался с осторожностью, которая необходима всякому, кто переправился через Громовую Реку.

Был этот юноша среднего роста с открытым лицом и коротко остриженными каштановыми волосами — на голове не было ни шляпы, ни, тем более, шлема. Одет он был по обычаям здешних мест в шерстяную тунику, перетянутую поясом, короткие кожаные штаны и сапоги до колен. Из правого голенища торчала рукоять ножа, на широком поясе висели короткий тяжелый меч и кожаная сумка. Без всякого страха углублялся он в зеленую чащу. Сложен он был, несмотря на высокий рост, крепко.

Он шагал беззаботно, хотя последние хижины поселенцев остались далеко позади и каждый шаг приближал его к той чудовищной опасности, которая тенью нависла над древними дебрями. Шума он поднимал немного, но был уверен, что наверняка засекут любой треск чуткие уши в предательской зелени. Так что беззаботность его была показной, он внимательно приглядывался и прислушивался ко всему, особенно прислушивался, так как видимость вокруг была не более чем на два шага.

Какое-то чутье приказало ему остановиться и положить руку на рукоятку меча. Он встал как вкопанный посреди тропы и стал соображать, что за звук он уловил да и был ли этот звук. Тишина была полной — не верещали белки, не пели птицы. Потом взгляд его упал на густые заросли в нескольких шагах перед ним. Никакого ветра не было в помине, а одна из веток явственно колыхалась. Волосы поднялись на голове путника и он не мог ни на что решиться — ведь любое движение притянет к нему летящую из зелени смерть.

В чаще послышался звук тяжелого удара, заросли закачались и оттуда вертикально вверх взлетела стрела. Прыгая в укрытие, путник видел ее полет.

Притаившись за толстым стволом дерева с мечом в дрожащей руке, он увидел, что на дорожку, раздвигая кусты, выходит высокий человек.

На чужаке были такие же высокие сапоги и короткие штаны, только не кожаные, ашелковые. Вместо туники на нем была кольчуга из вороненой стали, голову защищал шлем. Не рыцарский шлем с султаном — его украшали бычьи рога. Таких вещей не куют кузнецы в цивилизованных странах.

Да хозяин шлема и не походил на цивилизованного человека. Его темное, иссеченное шрамами лицо с горящими голубыми глазами вполне соответствовало этим первобытным лесам.

Огромный меч в руке человека был в крови.

— Вылезай! — крикнул он, и выговор показался путнику незнакомым. — Опасность миновала. Этот пес был один. Вылезай!

Опасливо покинул путник укрытие и поглядел на незнакомца. По сравнению с ним он чувствовал себя слабым и ничтожным.

Двигался незнакомец скользящей походкой пантеры — да, не к миру горожан или поселенцев принадлежал он, и даже в этих диких краях казался чужим.

Великан пошел назад и снова раздвинул кусты. Путник сделал несколько шагов за ним и заглянул в заросли. Там лежал человек — коренастый, смуглый, сильный. Всю одежду его составляли набедренная повязка, ожерелье из человеческих зубов и массивный наплечник. За поясом убитого был короткий меч, а правая рука все еще сжимала тяжелый черный лук. Волосы у него были длинные и кучерявые, о лице же нельзя было судить — это было сплошное месиво из крови и мозга. Голова была прорублена до зубов.

— Клянусь богами, это пикт! — воскликнул юноша.

— Тебя это удивляет?

— Ну, в Велитриуме и у поселенцев мне говорил, что эти дьяволы время от времени пробираются через границу, но никак я не ожидал его увидеть в этих местах.

— Черная река всего в четырех милях к востоку, — наставительно сказал незнакомец. — А мне случалось убивать их и всего в миle от Велитриума. Ни один поселенец между Громовой Рекой и фортом Тусклан не может чувствовать себя в безопасности. На след этого пса я напал поутру в трех милях от форта и с тех пор шел за ним. А догнал уже тогда, когда он целился в тебя. Еще немного, и в преисподней появился бы новый посетитель. Но я испортил ему выстрел.

Путник глядел на него широко открытыми глазами: этот человек выследил лесного дьявола, незаметно подкрался к нему и убил! Такое искусство было невероятным даже для Конайохары, славной своими следопытами.

— Ты из гарнизона форта? — спросил он.

— Я не служу в солдатах. Жалованье и права у меня как у пограничного офицера, но я занимаюсь в дебрях своим делом. Валанн знает, что здесь от меня больше толку.

Ногой он затолкал тело поглубже в кусты и пошел по тропинке. Путник поспешил за ним.

— Зовут меня Балт, — представился он. — Ночь я ночевал в Велитриуме. Я еще не решил — то ли взять земельный надел, то ли пойти в солдаты.

— Лучшие земли у Громовой Реки уже разобрали, — сказал огромный воин.

— Много хорошей земли между ручьем Скальпов, который ты уже прошел, и фортом, но чертовски близко к реке. Пикты переплывают через нее, чтобы поджигать и убивать — вот как наш. И всегда ходят поодиночке. Но в один прекрасный день они попытаются изгнать из Конайохары всех поселенцев. И, боюсь, это им удастся. Даже наверняка. Потому что все эти поселения — безумная затея. К востоку от Боссонского пограничья тоже полно доброй земли. Если бы аквилонцы урезали владения тамошних баронов да засеяли их охотничьи угодья пшеницей, то не надо было бы ни границу переходить, ни с пиктами связываться.

— Странные речи для человека на службе губернатора Конайохары, — заметил Балт.

— Это для меня звук пустой. Я наемник и продаю свой меч тому, кто больше платит. Я сроду хлеба не сеял и сеять не собираюсь, покуда существует тот урожай, который пожинают мечом. Но вы, гиборийцы, забрались так далеко, что дальше некуда. Вы перешли границу, спалили несколько деревень, выбили отсюда пару племен и провели рубеж по Черной Реке. Но я сомневаюсь, что вы и это сохраните, а не то что продвинетесь на запад. Глупый ваш король не понимает здешней жизни. Нет подкреплений — не хватит и поселенцев, чтобы отбить многочисленный набег из-за реки.

— Но пикты разделены на небольшие кланы, — сказал Балт. — Они никогда не объединятся. А любой клан мы уничтожим.

— И даже три или целых четыре, — согласился великан. — Но рано или поздно появится человек, который объединит тридцать или сорок кланов, так было в Киммерии, когда жители Гандера вздумали передвинуть границу на север. Они хотели заселить южные области Киммерии. Уничтожили несколько деревень и построили крепость Венариум. Остальное тебе известно.

— Известно, — с горечью сказал Балт. Воспоминание об этом сокрушительном поражении было черным пятном в истории гордого и воинственного народа. — Мой дядя был там, когда киммерийцы прорвали оборону. Считанные единицы из наших остались в живых. Я не раз слушал его рассказы. Варвары хлынули с гор и штурмовали Венариум с неудержимой яростью. Вырезали всех — мужчин, женщин, детей. И до сих пор на том месте лишь груда камней. Больше аквилонцы не пытались захватить Киммерию. Но ты говорил о Венариуме со знанием дела — ты

что, был там?

— Был, — проворчал воин. — Был одним из тех, кто первым взобрался на стены. Я еще пятнадцатого снега не увидел, а имя мое звучало на советах стариков.

Бальт отшатнулся от него и смотрел в изумлении. Рядом с ним спокойно шел один из тех самых визжащих кровожадных дьяволов, что в давние дни падали со стен Венариума, чтобы залить его потоками крови...

— Так ты варвар... — вырвалось у Бальта.

Великан не обиделся и кивнул.

— Меня называют Конан-киммериец.

— Я слышал о тебе! — взволнованно воскликнул Бальт. Ничего удивительного, что пикт проиграл в этой игре, ибо киммерийцы были такими же варварами, только еще более опасными. Конан, несомненно, провел много лет среди цивилизованных людей, но это не повредило его древним инстинктам. Бальт надивиться не мог его кошачьей походке и умению двигаться бесшумно. Даже звенья кольчуги не звенели, потому что были смазаны маслом. В самой густой и запутанной чащобе Конан сумел бы пройти так же беззвучно, как давешний пикт.

— Ты не из Гандера? — это было скорее утверждение, чем вопрос.

— Я из Турана.

— Встречал воинов из Турана, они неплохие в лесу. Но боссонцы слишком долго прикрывали вас, аквилонцев, от диких людей леса. Закалка вам нужна.

И действительно, боссонское пограничье с его укрепленными селениями, где жили отчаянной храбости стрелки, долго было для Аквилонии надежной крепостной стеной от варваров. Сейчас в поселениях за Громовой Рекой, росло поколение лесных людей, способных противостоять варварам, но таких пока было немного. Большинство жителей границы составляли такие, как Бальт

— земледельцы, а не следопыты.

Солнце уже скрылось за вершинами деревьев. Тени на тропе становились все длиннее.

— Не успеем мы в форт до темноты, — спокойно сказал Конан. И вдруг добавил: — Слушай!

Он стоял с мечом в руке, пригнувшись, готовый в любую минуту прыгнуть и нанести удар. Бальт услыхал дикий визг, оборвавшийся на самой высокой ноте — крик человека либо смертельно испуганного, либо умирающего.

Конан сорвался с места и помчался по тропе, с каждым шагом отдаляясь от своего спутника, хотя тот также бежал изо всех сил. В Туране Бальт слыл неплохим бегуном, но варвар опередил его без всяких усилий. Но юноша забыл об этом, потому что уши ему пронзил самый страшный крик, который ему пришлось слышать в жизни. Но на этот раз кричал не человек: то было какое-то ликующее сатанинское мяуканье, торжество нелюди, убившей человека, и эхо этого крика прокатилась где-то в мрачных безднах за пределами людского понимания.

В ужасе Бальт чуть не споткнулся, но Конан продолжал все также бежать и скрылся за поворотом тропы; Бальт, чтобы не остаться один на один с этим кошмарным воплем, в панике помчался за ним.

И... едва не налетел на киммерийца, который стоял над безжизненным телом. Но Конан глядел вовсе не на мертвеца, лежащего в кровавой грязи — он внимательно осматривал заросли по обе стороны тропы.

Убитый — невысокий полный человек — был в дорогих узорных сапогах и, несмотря на жару, в подбитой горностаем тунике. Его широкое бледное лицо сохраняло выражение ужаса, а толстая шея словно бритвой была перерезана от уха до уха. Короткий меч находился в ножнах — значит, нападение было внезапным.

— Пикты? — прошептал Балт и тоже начал смотреть по сторонам.

— Нет, лесной черт. Это уже пятый, клянусь Кромом!

— Что ты имеешь в виду?

— Ты слышал когда-нибудь о пиктийском колдуна по имени Зогар Заг?

— Никогда не слышал.

— Он живет в Гавели, ближайшей деревне за рекой. Месяца три назад он похитил несколько навьюченных мулов из каравана, что направлялся в форту как раз по этой тропе. Наверное, одурманил чем-нибудь погонщиков. Мулы принадлежали, — Конан тронул тело носком сапога, — вот этому Тиберию, купцу из Велитриума. Везли мулы бочонки с пивом, и старый Зогар, вместо того, чтобы скорее перебраться через реку, решил угоститься. Следопыт по имени Сократ выследил его и привел Валанна с тремя солдатами в чащу, где наш колдун спал пьянешенек. По настоянию Тиберия Валанн посадил Зогара Зага в тюрьму, а это для пикта самое страшное оскорбление. Старик сумел убить стражника и бежать, да еще передал, что собирается прикончить Тиберия и тех пятерых, что его поймали, да так прикончить, что аквилонцы два века будут помнить и дрожать от страха.

И следопыт, и солдаты уже мертвые. Сократа убили у реки, воинов — возле самого форта. А теперь и Тиберий тоже. Но никто из них не пал от руки пикта. Каждый труп, кроме этого, был обезглавлен. Головы эти, конечно, украшают сейчас алтарь того божества, которому служит Зогар Заг.

— С чего ты взял, что убивали не пикты? — спросил Балт.

Конан показал на тело купца.

— Ты думаешь, это мечом или ножом сделано? Посмотри внимательнее и сообразишь, что такую рану может оставить только коготь. Мышцы разорваны, а не перерублены.

— А если пантера... — неуверенно предположил Балт.

— Человек из Турана должен отличать следы когтей пантеры. Нет, это лесной дьявол, которого Зогар Заг вызвал, чтобы отомстить. Болван Тиберий, пошел в Велитриум один да еще под вечер. Но каждый из убитых перед смертью словно бы с ума сходил. Гляди — следы сами говорят. Тиберий ехал по тропе на своем мule — видно, вез шкурки выдры на продажу в Велитриум. И что-то прыгнуло на него сзади, из тех кустов. Видишь, там ветки поломаны? Тиберий успел только раз крикнуть — и уже стал торговать шкурками в преисподней. Мул убежал в заросли. Слышишь, он шуршит кустами в той стороне? Демон не успел унести голову Тиберия — испугался, когда мы прибежали.

— Когда ТЫ прибежал, — поправил Балт. — Значит, не так и страшна эта тварь, если убегает от одного вооруженного человека. А может, это все-таки был пикт с каким-нибудь крюком? Ты сам видел э то?

— Тиберий был тоже при оружии, — проворчал Конан. — Но Зогар Заг уж наверное предупредил демона, кого убивать, а кого оставить в покое. Нет, я его не видел. Видел только, как дрожали кусты. Но если хочешь еще доказательств, то гляди.

Убийца наступил в лужу крови. Под кустами на обочине тропы остался кровавый след на засохшей глине.

— Это, по-твоему, человек оставил?

Мурашки побежали по стриженной голове Балтта. Ни человек, ни один из известных ему зверей не мог оставить такого странного, страшного, трехпалого следа. Осторожно, не касаясь земли, Балт попробовал измерить его пядью. Но расстояние между кончиками мизинца и большого пальца оказалось недостаточным.

— Что это? — прошептал юноша. — Никогда не видел такого.

— И ни один человек из находящихся в здравом уме не видел, — мрачно ответил Конан. —

Это болотный демон. В трясинах по ту сторону Черной Реки их словно летучих мышь в пещере. Когда с юга дует сильный ветер в жаркие ночи, слышно, как они там завывают.

— Что же нам делать? — спросил аквилонец, опасливо глядя на черные тени. Он никак не мог забыть выражения лица убитого.

— Не стоит и пытаться выследить демона, — сказал Конан и вытащил из-за пояса лесной топор. — Когда он убил Сократа, я хотел это сделать. И потерял след через несколько шагов. То ли у него крылья выросли, то ли он в землю ушел. И за мулом тоже пойдем. Сам выйдет к форту или чьей-нибудь усадьбе.

Говоря это, он срубил два дерева на краю тропы и очистил стволы от веток. Потом отрезал кусок толстой лианы и переплел стволы так, что вышли простые, но надежные носилки.

— По крайней мере демон остался без головы Тиберия, — проворчал Конан. — А мы отнесем тело в форт. До него не больше трех миль. Этот толстый болван никогда мне не нравился, но нельзя же допустить, чтобы пикты вытворяли над головами белых людей все, что им вздумается.

Вообще-то пикты тоже относились к белой расе, хоть и были смуглыми, но жители пограничья не считали их за белых.

Бальт взялся за задние ручки носилок, Конан без всякого уважения положил на них несчастного торговца и они тронулись быстрым шагом. Даже с таким грузом Конан продолжал двигаться бесшумно. Он захлестнул оба своих конца носилок ремнем купца и держал их одной рукой, чтобы оставить правую свободной для меча. Тени сгущались. Чаша погружалась в сумерки, в серо-голубой таинственный полумрак, в котором скрывалось непредсказуемое.

Они одолели уже больше мили и крепкие мышцы Бальта стали уже побаливать, когда из перелеска, который окрасился алым цветом заходящего солнца, раздался пронзительный вопль.

Конан резко остановился, и Бальт чуть не уронил носилки.

— Женщина! — крикнул он. — Великий Митра, там женщина зовет на помощь!

— Жена колониста заблудилась, — проворчал Конан, опуская носилки. — Корову, поди, искала... Оставайся тут!

И, как волк за зайцем, нырнул в зелень. У Бальта волосы стали дыбом.

— Оставаться с покойником и с этим дьяволом? — взвыл он. — Я иду с тобой!

Конан обернулся и не возразил, хотя и не стал поджидать менее проворного спутника. Дыхание Бальта стало тяжелым, киммериец впереди то пропадал, то вновь возникал из сумерек, пока не остановился на поляне, где начал уже подниматься туман.

— Почему стоим? — поинтересовался Бальт, вытер вспотевший лоб и достал свой короткий меч.

— Кричали здесь или где-то поблизости, — ответил Конан. — Я в таких случаях не ошибаюсь, даже в чаще. Но где же...

Снова послышался крик — у них за спиной, у тропы. Крик был тонкий и жалобный, вопль женщины, охваченной безумным страхом, — и вдруг он внезапно, разом перешел в издевательский хохот.

— Что это, во имя Митры... — лицо Бальта белело в сумерках.

Конан ахнул, выругался и помчался назад, ошарашенный аквилонец — за ним. И на этот раз налетел-таки на внезапно остановившегося киммерийца — словно в каменную статую врезался. А Конан словно и не заметил этого...

Выглянув из-за богатырского плеча, юноша почувствовал леденящий ужас. Что-то двигалось в кустах вдоль тропы. Не шло, не летело, а вроде бы ползло. Но это была не змея. Очертания существа были размыты, оно было ростом выше человека, ноказалось менее массивным. К тому же оно испускало странное свечение — словно болотный огонек, словно ожившее пламя.

Конан выкрикнул проклятие и с дикой силой швырнул вслед существу свой топор. Но тварь не спеша двигалась дальше, не меняя направления. Они еще некоторое время видели туманный силуэт, потом он бесшумно скрылся в дебрях.

С рычанием Конан продрался сквозь заросли и вышел на тропу. Бальт не успевал запоминать все новые и новые цветистые проклятия, в которых богатырь отводил душу. Конан замер над носилками с телом Тиберия. Труп был обезглавлен.

— Он надул нас своим поганым мяуканьем! — стервенел Конан и в гневе рассекал воздух над головой своим огромным мечом. — Я должен был это предвидеть! Должен был ждать какой-нибудь пакости! Значит, алтарь Зогара украсят все пять голов.

— Что же это за тварь — причитает как женщина, хохочет как демон, ползет и светится? — спросил Бальт, вытирая вспотевшее лицо.

— Болотный демон, — угрюмо сказал Конан. — Берись за носилки. Так или иначе, унесем труп. Тем более ноша стала легче.

И с этой мрачной шуткой взялся за кожаную петлю.

2. КОЛДУН ИЗ ГВАВЕЛИ

Форт Тускелан поднимался на западном берегу Черной Реки, и ее волны плескались у основания частокола. Частокол был из толстых бревен, как и все остальные постройки, в том числе и башня (так с гордостью именовалось это строение), в которой жил губернатор.

За рекой раскинулись бесконечные леса, вдоль берега они были густыми, как джунгли. День и ночь патрули на стенах форта внимательно всматривались в эту зеленую стену. Изредка оттуда выходила какая-нибудь опасная тварь, и стражники знали, что за ними тоже следят не менее внимательно голодным, диким и безжалостным взором. Постороннему глазу дебри за рекой могли показаться безлюдными и мертвыми, но они кишили жизнью — не только птицы, звери и пресмыкающиеся обитали там, но и люди, которые были страшнее любого хищника.

Здесь, в укреплении, кончался цивилизованный мир. Форт Тускелан был самым последним поселением на северо-западе. Дальше гиборийские народы не продвинулись. Мир за рекой был таким же, как тысячелетия назад. В тенистых лесах стояли хижины, крытые хвостом и украшенные оскаленными человеческими черепами, глинобитные селения, где горели костры и где точили наконечники копий худощавые неразговорчивые люди с курчавыми черными волосами и змеиными глазами. Когда-то хижины смуглого народа стояли на этом месте, где нынче раскинулись цветущие поля и деревянные дома русоволосых поселенцев, до самого Велитриума, беспокойного пограничного города на берегу Громовой Реки и дальше — до боссонского пограничья. Сюда пришли торговцы и жрецы Митры — эти по обычаю ходили босиком и без оружия, отчего и погибали часто страшной смертью, за ними двигались солдаты и лесорубы, их жены и дети на повозках, запряженных волами. Огнем и мечом аборигены были отброшены и за Громовую Реку, и за Черную. Но смуглолицый народ никогда не забывал, что этот край, называемый Конайохара, принадлежал ему.

Стражник у ворот потребовал назвать пароль. Сквозь зарешеченное окошко пробивался свет факела, отражаясь на стальном шлеме и в настороженных глазах.

— Открывай ворота! — рявкнул Конан. — Это же я!

Он терпеть не мог армейской дисциплины.

Ворота отворились во двор и Конан с товарищем прошли в форт. Балт заметил, что с двух сторон возвышались башенки с бойницами.

Стражник удивленно вскрикнул, увидев груз, доставленный пришельцами. Остальные тоже собрались посмотреть, но Конан сердито сказал:

— Вы что, безголовых покойников не видали?

— Это Тиберий, — прошептал один из солдат. — Я узнаю его по одежде. Стало быть, Валерий должен мне пять монет. Я же говорил ему, что Тиберий пошел на зов смерти — я сам видел, как он со стеклянными глазами проезжал верхом на муле через ворота. Тогда я и спорил, что не сносить ему головы.

Конан жестом приказал Балту опустить носилки, и оба направились в дом губернатора. Аквилонец с любопытством озирался, рассматривая конюшни, солдатские казармы, лавочки, надежный блокгауз и прочие строения. Навстречу им через площадь спешил народ — поглядеть на страшную ношу. Здесь были и аквилонские копейщики, и следопыты, и коренастые боссонские лучники.

Балт не слишком удивился, что губернатор принял их лично. Аристократия с ее сословными предрассудками осталась к востоку от границы. Валанн был человек еще молодой, хорошо сложенный, с благородным, но несколько угрюмым лицом.

— Мне сказали, что ты вышел из форта перед рассветом, — обратился он к Конану. — Я

уже начал опасаться, что пикты все-таки добрались до тебя.

— По всей реке будет известно, когда они начнут за мной охотиться, — сказал Конан. — Потому что завывания пиктийских женщин по своим покойникам услышат даже в Велитриуме. Я сам ходил в разведку. Не спалось — за рекой всю ночь били барабаны.

— Да они каждую ночь колотят, — сказал губернатор и внимательно поглядел на Конана. Он знал, что не стоит пренебрегать чутьем дикаря.

— Той ночью было по-другому, — сказал Конан. — И это с той поры, как Зогар Заг вернулся за реку.

— Да, надо было либо одарить его и отпустить, либо повесить, — вздохнул губернатор. — Ты ведь так и советовал, но...

— Да, трудно вам, гиборийцам, понимать здешние обычаи, — сказал Конан. — Ну да теперь ничего не поделаешь, и не будет покоя на границе до тех пор, пока Зогар Заг жив и вспоминает здешнюю тюрьму. Я следил за их воином — он переплыл реку, чтобы сделать пару зарубок на своем луке. Я размозжил ему голову и встретил этого молодца. Его зовут Бальт и он прибыл из Турана помочь нам охранять границу.

Губернатор благосклонно посмотрел на открытое лицо Бальта и его крепкую фигуру.

— Рад приветствовать тебя, молодой человек. Хотелось бы, чтобы побольше приходило сюда твоих сородичей. Нам нужны люди, привычные к лесному житью. А то многие из наших солдат и колонистов родом из восточных провинций. Они не только что леса не знают, но и землю вспахать не умеют.

— Да, в Велитриуме полно таких, — согласился Конан. — Но послушай, Валанн, мы нашли на дороге мертвого Тиберия... — и вкратце пересказал всю мрачную историю.

Валанн побледнел.

— Я не знал, что он покинул форт. Он что, с ума спятил?

— Именно, — кивнул Конан. — спятил, как и четверо других. Каждый из них, когда приходил его час, терял рассудок и направлялся в лес навстречу собственной смерти, словно кролик, что лезет в пасть к удаву. Что-то потянуло его в чащу. Против чар Зогара Зага бессильна аквилонская цивилизация.

— Солдаты об этом знают?

— Мы оставили тело у восточных ворот.

— Лучше бы вы спрятали его в лесу. Солдаты и без того волнуются.

— Все равно бы узнали — не так, так этак. Ну, оставил бы я труп в лесу, а он бы снова вернулся в форт. Как покойник Сократ — они привязали его тело к воротам, чтобы люди поутру нашли его.

Валанн вздрогнул. Отвернувшись, он подошел к парапету башни и молча глядел на черную воду реки, в которой отражались звезды. За рекой черной стеной стояли джунгли. Отдаленный рев пантеры нарушил тишину. Ночь наступала, заглушая голоса солдат внизу и задувая огни. Ветер шумел в черных ветвях, волновал речную гладь, доносил из-за реки низкий пульсирующий звук.

— А в сущности, — сказал Валанн, словно бы рассуждая вслух, — что мы знаем... Что кто-нибудь знает о том, что творится в дебрях? Слышали только неясные байки об огромных болотах и реках, и что леса покрывают необозримые равнины и горы и обрываются только на побережье Западного Океана. Но такие тайны скрывает эта земля между Черной Рекой и океаном, мы не осмеливаемся даже предположить. Ни один белый человек не вернулся из этой чащобы и не рассказал нам, что там творится. И вся наша наука и образованность — она только до западного берега этой древней реки. Кто знает, что за звери, земные и неземные, могут находиться за пределами того маленького светлого кружка, который мы называем знанием...

Кто знает, каким богам поклоняются во мраке этого языческого леса, что за демоны выползают из черной болотной грязи? Кто может с уверенностью сказать, что все обитатели этих темных краев принадлежат к этому свету? Зогар Заг... Мудрецы из восточных краев сочли бы его примитивное колдовство фокусами базарного факира, а он свел с ума и убил пятерых, причем совершенно необъяснимым образом. Я начинаю сомневаться — с человеком ли мы имеем дело?

— Если бы я подобрался к нему на бросок топора, все стало бы яснее ясного, — проворчал Конан. Не спросясь, он налил вина себе, а другой стакан подвинул Бальту. Тот взял стакан, но с сомнением поглядел на хозяина.

Губернатор повернулся к Конану.

— Солдаты, которые не верят в духов и демонов, — сказал он, — уже в панике от страха. А ты, который верит в духов, призраков, гоблинов и прочую нежить, вовсе ее не боишься.

— Нет на свете ничего такого, что не разбудила бы холодная сталь, — ответил Конан. — Вот я метнул топор в демона и не поразил его. Но ведь я мог промахнуться в сумерках, топор мог налететь на ветку и отклониться. Словом, я не стану сходить с дороги, чтобы полюбоваться на демона, но и никакому демону дороги не уступлю.

Валанн поднял голову и поглядел киммерийцу в глаза.

— Конан, от тебя сейчас зависит больше, чем ты можешь предполагать. Ты знаешь все слабые места провинции — она как тонкое лезвие кинжала в огромной туще леса. Ты знаешь, что жизнь всего населения западного пограничья зависит от этого форта. Если он падет, красные топоры вонзятся в ворота Велитриума раньше, чем всадник успеет туда доскакать. Его Величество или советники Его Величества не обратили внимания на мою просьбу усилить пограничный гарнизон. Они знать ничего не хотят о здешней обстановке и не желают присыпать подкрепления. Судьба пограничья в наших руках.

Ты знаешь, что большая часть армии, покорившей Конайохару, отзвана. Ты знаешь, что оставшихся сил недостаточно, особенно с того дня, как этот дьявол Зогар Заг отправил колодцы и в один день погибло четыреста человек. Среди оставшихся много больных, укушенных змеями или раненых хищниками, которых вокруг форта становится все больше. Люди верят в похвальбу Зогара, что он может вызывать лесных зверей для расправы над своими врагами.

У меня три сотни копейщиков, четыреста боссонских лучников и, может, полсотни вроде тебя. Хотя бы было и в десять раз больше — все равно мало. Я честно скажу тебе, Конан, положение мое аховое. Солдаты поговаривают о дезертирстве — они верят, что Зогар Заг насыпает на нас демонов. Боятся черной заразы, которой он угрожал, черной смерти с болот. Когда я вижу заболевшего солдата, меня в пот бросает — вдруг он почертнеет, высохнет и умрет на глазах!

Конан, если начнется мор, солдаты сбегут все до единого. Граница останется без охраны и ничто не удержит орду, которая примчится под стены Велитриума, а может, и дальше. Если мы не сумеем отстоять форт, то они и подавно не спасут город.

Словом, если мы хотим удержать Конайохару, Зогар Заг должен умереть. Ты уходил на тот берег дальше всех нас, ты знаешь, где находится деревня Гавели, тебе знакомы лесные тропы за рекой. Возьми-ка нынешней ночью несколько человек и попробуй убить его или взять в плен. Да, я знаю, что это безумная затея и вряд ли вы вернетесь живыми. Но если этого не сделать, мы все погибли. Возьми столько людей, сколько сочтешь нужным.

— Дюжина справится с этой работой скорее, чем полк, — ответил Конан.

— Пятьсот солдат не пробьются к Гавели, а дюжина проскользнет. Позволь мне самому выбрать людей. Солдаты мне ни к чему.

— Позволь пойти с тобой! — волнуясь, крикнул Бальт. — У себя в Туране я всю жизнь

охотился на оленей!

— Согласен. Валанн, я пойду в таверну, где собираются следопыты и выберу тех, кто мне нужен. Выйдем через час. Спустимся на лодке пониже деревни и подберемся к ней лесом. Ну, если будем живы, вернемся утром!

3. ПОЛЗУЩИЕ ВО ТЬМЕ

Река была словно туманная дорога между двумя черными стенами. Весла погружались в воду бесшумно, как клюв цапли. Широкие плечи того, кто сидел перед Бальтом, отливали синим в темноте. Юноша знал, что даже опытный глаз следопыта на носу лодки видит сейчас не дальше, чем на несколько локтей. Конан выбирал направление чутьем, потому что прекрасно знал реку.

Бальт хорошо присмотрелся к своим спутникам еще в форте, когда они вышли за частокол и садились в лодку. Это были люди той самой новой породы, которая зарождалась в суровом пограничном kraю, люди, поневоле овладевшие искусством жить и выживать в лесах. Они даже внешне походили друг на друга, и наряд их был схожен — козловые сапоги, кожаные штаны и куртки, широкие пояса, и оружие — топоры и короткие мечи, и лица у всех были иссечены шрамами, а глаза смотрели жестко.

Они тоже были дикарями, но все-таки между ними и киммерийцем лежала пропасть. Они — дети цивилизации, опустившиеся на варварский уровень. Он — варвар в тысячном поколении. Они научились прятаться и подкрадываться, он таким родился. Они были волками, он — тигром.

Бальт восхищался ими, восхищался предводителем и страшно гордился, что его допустили в такую компанию. Гордился и тем, что его весло было так же бесшумно, как у всех. Хотя бы в этом он был равен им — ведь охотничье искусство в Туроне не шло ни в какое сравнение с пограничным.

Вниз по течению от форта река описывала широкую петлю. Быстро скрылись из виду огни сторожевых постов, но лодка прошла еще с милю, с необыкновенной точностью избегая мелей и топляков.

Потом, по сигналу предводителя, повернули к западному берегу. Лодка покинула спасительную тень зарослей и выплыла на стержень, где ее легко можно было заметить. Но свет звезд был неярким, и Бальт надеялся, что никто за рекой не наблюдает.

Когда подошли к зарослям западного берега, Бальт протянул руку и ухватился за какое-то корневище. Не было произнесено ни слова. Все распоряжения были отданы еще до выхода из форта. Конан бесшумно перелез через борт и исчез в зарослях. За ним в полной тишине последовали девять других. Один из следопытов остался в лодке с Бальтом.

У них было свое задание: сидеть и ждать возвращения остальных. Если Конан с товарищами не вернутся с первыми лучами солнца, надлежало подняться вверх по реке и доложить в форте, что дебри снова взяли положенную им дань. Тишина была угнетающей. Ни один звук не доносился из черного леса. Даже барабаны не били. Юноша напрягал глаза, напрасно стараясь разглядеть что-нибудь в этом мраке. От воды тянуло холодом. Где-то поблизости плеснула рыба — так, во всяком случае, ему показалось. Лодка даже вздрогнула от носа до руля. Тот, кто сидел на корме, отпустил руль, и Бальт обернулся, чтобы выяснить, в чем дело.

Напарник не отвечал — уж не задремал ли? Бальт протянул руку и тронул его за плечо. От прикосновения тело следопыта покачнулось и сползло на дно лодки. Дрожащие пальцы Бальта коснулись шеи товарища, и, только крепко сжав зубы, юноша сумел подавить в себе крик. Горло следопыта было перерезано от уха до уха.

В ужасе Бальт поднял голову — и тотчас же мускулистая рука крепко зажала ему шею. Лодка заплясала на воде. В руке Бальта оказался нож — он и сам не заметил, как достал его из-за голенища. Нанес наугад несколько яростных ударов. Лезвие вошло глубоко, раздалось сатанинское рычание, со всех сторон ему ответил жуткий звериный вой и другие руки вцепились

в Бальта. Под тяжестью многих тел лодка опрокинулась, и, прежде чем она пошла ко дну, Бальта шарахнули чем-то по голове, он увидел огненную вспышку и погрузился во тьму, в которой даже звезды не горели.

4. ЗВЕРИ ЗОГАРА ЗАГА

Когда сознание начало медленно возвращаться к Бальту, он вновь увидел пламя. Свет резал глаза. Вокруг стоял сплошной шум, постепенно распадавшийся на отдельные звуки. Он поднял голову и огляделся. Вокруг на алом фоне пламени костров вырисовывались черные силуэты.

Память вернулась разом. Он был привязан к столбу посреди площадки, окруженной дикими и страшными существами. Позади них пылали костры, разведенные нагими темнокожими женщинами. Дальше стояли глиняные хижины, за ними — частокол с широкими воротами.

Люди, окружившие его, были широкоплечими и узкобедрыми, пламя костра подчеркивало игру их могучих мускулов. Темные лица были неподвижны, но узкие глаза горели, как у тигров. Взлохмаченные волосы были перехвачены медными обручами. Вооружены они были мечами и топорами. Многие были в крови, с перевязками на руках и ногах — видно, недавно был бой.

Он отвел глаза от своих пленителей и издал крик ужаса: в двух шагах от него возвышалась пирамида из окровавленных человеческих голов. Мертвые стеклянные взоры были обращены к небу. Среди лиц, глядящих в его сторону, Бальт узнал тех, что пошли за Конаном. Была ли и его голова в этой куче? За пирамидой голов лежали тела пяти или шести пиктов — по крайней мере следопыты дорого продали жизнь.

Отвернувшись от ужасного зрелища, он увидел напротив своего другой столб. К нему был привязан лианами еще один из людей Конана. На нем оставили только кожаные штаны. Кровь текла у него изо рта и раны в боку. Он поднял голову, облизал пересохшие губы и пробормотал:

— Так тебя тоже поймали!

— Они подплыли незаметно и перерезали горло моему напарнику, — простонал Бальт. — Но мы ничего не слышали до последнего. О Митра, можно ли передвигаться вообще без звука?

— Это же дьяволы, — сказал следопыт. — Видно, они заметили нас еще на середине реки. Мы попали в засаду. Не успели опомниться, как со всех сторон полетели стрелы. Большинство из нас были убиты сразу. Троє или четверо схватились врукопашную. Но их было слишком много. А вот Конан, пожалуй, скрылся. Я не видел его головы. Лучше бы нас с тобой сразу прикончили! Конана винить не в чем. Мы бы добрались до деревни не замеченными, у них нет постов на берегу в том месте, где мы причалили. Должно быть, мы напоролись на большой отряд, шедший вверх по реке с юга. Готовится какая-то чертовщина — здесь слишком много пиктов. Кроме здешних здесь люди из западных племен, с верховьев и низовьев реки...

Бальт глядел на дикарей. Немного знал он о жизни пиктов, но соображал, что такого количества жителей в деревне быть попросту не может. Потом заметил, что боевая раскраска и украшения из перьев у воинов были разные — значит и вправду сюда собрались разные племена и кланы.

— Какая-то дьявольщина, — бормотал следопыт. — Может, они собирались посмотреть на волшбу Зогара? Он будет совершать чудеса с помощью наших трупов. Ну что ж, житель пограничья и не надеется умереть в своей постели. Но неплохо бы сдохнуть вместе со всеми этими...

Волчьи завывания пиктов зазвучали громче, в толпе началось движение — сразу было видно, что приближается важная персона. Обернувшись, он увидел, что столб вкопан перед длинным строением, превосходящим размерами другие хижины и украшенном человеческими черепами вдоль крыши. В дверях кружилась фантастическая фигура.

— Зогар, — прорычал следопыт и скривился от боли.

Бальт увидел худощавого человека среднего роста в одежде из страусиных перьев. Из перьев выглядывала отвратительная злобная физиономия. Перья почему-то особенно поразили Бальта.

Он знал, что их привозят откуда-то из немыслимого далека на юге. Они зловеще шуршали, когда колдун приплясывал и кривился.

Так, танцуя, он вошел на площадку и закружился вокруг связанных пленников. Другой бы на его месте казался смешным — безмозглый дикарь, бессмысленно подпрыгивающий под шорох перьев. Но страшное лицо придавало всему этому совершенно иное значение. Ничего смешного не было в этом сатанинском лице.

И вдруг он застыл, как статуя; перья взметнулись в последний раз и опали. Зогар Заг выпрямился и стал казаться куда выше ростом и массивнее. Балту казалось, что он поднялся над ним и глядит откуда-то сверху, хотя колдун был никак не выше аквилонца.

Волшебник заговорил гортанным и скрипучим голосом, похожим на шипение кобры. Он вытянул голову в сторону раненого следопыта, и тот плонул ему в лицо.

Дико взыв, Зогар отпрыгнул далеко в сторону, а воины зарычали так, что звезды содрогнулись. Они бросились к пленнику, но колдун остановил их. Потом послал несколько человек к воротам. Они открыли их нараспашку и вернулись. Кольцо воинов разделилось пополам. Балт увидел, что женщины и голые детишки попрятались по хижинам и выглядывают из дверей и окон. Образовался широкий проход к воротам, за которыми стоял черный лес.

Наступила мертвая тишина. Зогар Заг повернулся к лесу, встал на кончики пальцев и направил в ночь пронзительный, душераздирающий нечеловеческий вопль. Где-то далеко в дебрях ему отзывался низкий рев. Балт задрожал. Ясно было, что это не человеческий голос. Он вспомнил слова Валанна о том, что Зогар хвастался своим умением вызывать зверей из леса. Лицо следопыта под кровавой маской побледнело.

Деревня затаила дыхание. Зогар Заг стоял неподвижно, только перья слегка колыхались. В воротах что-то появилось.

Вздох пробежал по деревне и люди лихорадочно стали разбегаться и прятаться между хижинами. Тварь, стоящая в воротах, казалась ожившим кошмаром. Шерсть на ней была светлая, отчего в ночи вся фигура представлялась призрачной. Но не было ничего сверхъестественного ни в низко посаженной голове, ни в огромных кривых клыках, поблескивающих при свете костра. Двигался зверь бесшумно, как видение былого. Это был пережиток древних времен, людоед-убийца старинных легенд — саблезубый тигр. Ни один гиборийский охотник вот уже сотни лет не встречал этого чудовища.

Зверь, направлявшийся к привязанным жертвам, был длиннее и тяжелее обычного полосатого тигра, силой же равнялся медведю. Мозга в массивной голове было немного, да он в данном случае и не требовался. Это был самый идеальный хищник из всех снабженных когтями и клыками.

Вот кого призвал Зогар Заг из дебрей. Теперь Балт не сомневался в чарах. Только чародейное искусство могло совладать с этой примитивной могучей тварью. И внезапно в глубине сознания юноши прозвучало имя древнего бога тьмы и ужаса, которому поклонялись некогда и люди, и звери, и дети которого, по слухам, все еще обитали в разных частях света.

Чудовище прошло мимо тел пиктов и кучи голов, не коснувшись их. Тигр брезговал падалью. Всю жизнь он охотился только на живых существ. Неподвижные глаза его горели голодным огнем. Из раскрытой пасти капала слюна. Колдун отступил и показал рукой на следопыта.

Огромная кошка припала к земле. Балт вспомнил рассказ о том, что саблезубый тигр, напав на слона, вонзил свои клыки в голову лесного великана так глубоко, что не мог потом вытащить и подыхал с голоду. Колдун пронзительно завизжал и зверь прыгнул.

Удар пришелся в грудь следопыту, столб треснул и рухнул на землю. А потом саблезубый потрусили к воротам, таща за собой кусок мяса, только что бывший человеком. Балт смотрел на

все это и разум его отказывался верить зренiu.

В прыжке зверь не только своротил столб, но и оторвал от него окровавленное тело. В мгновение ока страшные когти разорвали несчастного на куски, а огромные зубы вырвали кусок головы, с легкостью пробив кость. Бальта вырвало. Ему случалось выслеживать и медведей, и пантер, но никогда он не видел зверя, способного в секунду превратить человека в кровавые ошметки.

Саблезубый исчез за воротами, его рычание еще раз не решались выйти из-за хижин, а колдун стоял и смотрел в сторону ворот. Они были открыты для тьмы.

Бальт покрылся холодным потом. Какой новый ужас выйдет из леса к нему самому? Он попытался освободиться — тщетно. Ночь обступала его со всех сторон, и даже костры казались адским пламенем. Он чувствовал на себе взгляды пиктов — сотни голодных безжалостных глаз. Они уже не были похожи на людей — демоны из черных джунглей, такие же, каких вызывал колдун в страусиных перьях.

Зогар послал в темноту следующий призыв, совсем не похожий на предыдущий. Слышалось в нем отвратительное шипение — и кровь заледенела в жилах юноши. Если бы змея могла шипеть громко, как раз такой звук и получился бы.

Ответа на этот раз не последовало — тишину нарушил только отчаянный стук сердца юноши. Потом за воротами раздался шум, сухое шуршание и в проходе появилось отвратительное тело.

И снова это было чудовище из древних легенд. То был гигантский змей. Голову он держал на уровне человеческого роста и была треугольная эта голова размером с лошадиную. Далее тянулось бледно отсвечивающее тело. Раздвоенный язык извивался, торчали острые зубы.

Бальт ничего не видел и не слышал. Страх парализовал его. Древние называли этого гигантского гада Змей-Призрак за белую окраску. Он вползал по ночам в хижины и губил целые семьи. Жертвы свои он или душил, как удав, или убивал ядом своих зубов. Он также считался вымершим. Но прав был Валанн: ни один белый не знает, что творится в дебрях по ту сторону Черной Реки.

Змей приблизился, держа голову на той же высоте и слегка откинув ее назад — готовился нанести удар. Остекленевшими глазами глядел Бальт на страшную пасть, в которой суждено было ему сгинуть и не чувствовал ничего, кроме легкой тошноты.

Потом что-то сверкнуло, метнулось из темноты между хижинами и огромный змей забился в конвульсиях. Как во сне увидел Бальт, что шея чудовища насквозь пробита копьем.

Извиваясь в агонии, обезумевший змей врезался в толпу людей и они метнулись назад. Копье не повредило позвоночника, пробило только мышцы. Бешено колотящийся хвост змея поверг на землю дюжину воинов, с зубов брызгал яд, обжигающий кожу. Люди завыли, запричитали и бросились врассыпную, давя и увеча друг друга. Тут змея еще угораздило заползти в костер, и боль придала ему силы — стена хижины рухнула под ударом хвоста и люди с завываниями побежали прочь. Некоторые бежали прямо через костры. Картина была впечатляющая: посередине площади бьется огромное пресмыкающееся, а от него разбегаются люди.

Бальт услышал какое-то движение позади себя и руки его неожиданно оказались свободными. Сильная рука потянула его назад. Пораженный, он узнал Конана и почувствовал, как могучие пальцы схватили его за плечо.

Доспехи киммерийца были в крови, кровь засохла на мече.

— Бежим, пока они не опомнились!

Бальт почувствовал, что в руку ему вкладывают топор. Зогар Заг исчез. Конан тащил Бальта за собой до тех пор, пока тот окончательно не пришел в себя. Тогда киммериец отпустил его и

вбежал в дом, украшенный черепами. Бальт за ним. Он увидел страшный каменный жертвенник, слабо освещенный откуда-то изнутри. Пять человеческих голов лежали на этом алтаре — Бальт сразу узнал голову купца Тиберия. За жертвенником стоял идол — получеловек, полузверь. И вдруг, к ужасу Бальта, он стал подниматься, гремя цепью и воздевая руки к небу.

Свистнул смертоносный меч Конана, и киммериец снова потащил Бальта за собой к другому выходу из дома. В нескольких шагах от двери возвышался частокол.

За святилищем было темно. Никто из убегающих пиктов сюда не попал. Возле изгороди Конан остановился и поднял Бальта на руках как младенца. Бальт ухватился за концы бревен и, обдирая пальцы, вскарабкался наверх. Он протянул руку киммерийцу, когда из-за угла хижины выскочил пикт и встал как вкопанный, глядя на человека у изгороди. Удар топора киммерийца был верным, но пикт успел закричать раньше, чем голова его развалилась пополам.

Никакой страх не помеха врожденным инстинктам: только что воющая толпа услыхала сигнал тревоги, как сотни голосов ответили на него и воины помчались отбивать нападение, сигнал о котором подал убитый.

Конан высоко подпрыгнул, ухватил Бальта повыше локтя и подтянулся. Бальт стиснул зубы, чтобы выдержать тяжесть тела, но киммериец был уже наверху и беглецы оказались по ту сторону частокола.

5. ДЕТИ ИРГАЛА ЗАГА

— В какой стороне река?

— К реке соваться нечего, — буркнул Конан. — Лес от деревни до реки кишит пиктами.

Вперед! Направимся туда, где нас не ждут — на запад!

Балт в последний раз оглянулся и увидел, что из-за частокола торчат черные головы пиктов. Но они подбежали слишком поздно, а беглецы уже скрылись в зарослях.

Балт понял: дикие люди еще не сообразили, что пленник бежал. Судя по крикам, воины под предводительством Зогара Зага добивали стрелами раненого змея. Чудовище вышло из повиновения колдуна. Через минуту раздались гневные вопли: бегство было обнаружено.

Конан расхохотался. Он вел Балтана по узкой тропинке с такой быстротой и уверенностью, словно это был проезжий тракт. Балт ковылял за ним.

— Теперь они бросятся в погоню; Зогар увидел, что тебя нет. Собака! Если бы у меня было второе копье, я бы прикончил его раньше, чем змея. Держись тропинки. Они сначала побегут к реке, растянут там цепь из воинов на пару миль и станут нас ждать. А мы не уйдем в чащу, пока не подопрет. По тропинке быстрее получится. А теперь, парень, давай-ка беги так, как ты в жизни еще не бегал!

— А быстро они опомнились, — пропыхтел Балт и прибавил ходу.

— Да, страх у них скоро проходит, — проворчал Конан.

Некоторое время они молчали и продолжали углубляться все дальше и дальше от цивилизованного мира. Но Балт знал, что Конан всегда все делает правильно. Наконец киммериец сказал:

— Когда будем уже далеко от деревни, сделаем большую петлю к реке. На много миль от Гавели нет других поселений. А вокруг деревни собрались все пикты. Мы обойдем их. До света они не нападут на след, а уж потом мы оставим тропу и свернем в чащу.

Они продолжали бег. Крики позади затихли. Свистящее дыхание вырвалось сквозь стиснутые зубы Балтана. Закололо в боку, бежать было все труднее. Он то и дело влетал в кусты по краям тропы. Внезапно Конан остановился, обернулся и стал вглядываться в темноту дороги.

Где-то вверху над ветвями неторопливо всходила бледная луна.

— Сворачиваем? — прохрипел Балт.

— Дай-ка мне топор, — прошептал Конан. — Сзади кто-то есть.

— Тогда лучше уйдем с тропы! — крикнул Балт.

Конан помотал головой и толкнул спутника в кусты. Луна поднялась выше и осветила дорогу слабым светом.

— Мы же не можем драться с целым племенем! — шепнул Балт.

— Человек не смог бы нас так быстро выследить и догнать! — проворчал Конан. — Тс-с-с!

Наступила тишина. Внезапно на тропе появился зверь. Балт содрогнулся при мысли о том, что это может быть саблезубый. Но это был всего лишь леопард. Он зевнул, открывая клыки, и глянул на тропу, после чего не спеша двинулся вперед. Дрожь пробежала по спине аквилонца: леопард, несомненно, выслеживал их.

И выследил. Зверь поднял голову и глаза его вспыхнули, как два огненных шара. Раздалось глухое рычание, и Конан метнул топор.

Всю свою силу вложил киммериец в этот удар. Серебром сверкнуло лезвие в лунном свете — и леопард забился на земле. Топор торчал у него посередине лба.

Конан выскочил из кустов, схватил оружие, леопарда же зашвырнул куда-то между деревьев.

— Теперь бежим, и быстро! — сказал он и свернулся в чащу в южном направлении. — За этой

кошечкой подойдут воины. Зогар отправил его за нами, как только опомнился Пикты идут следом, но они еще далеко. Он бегал вокруг деревни, пока не взял след, а потом полетел как молния. Так что они знают, в какую сторону идти. Он подавал им знак рычанием. Ха, больше не подаст, но они увидят кровь на тропе, найдут и падаль в кустах. Могут и наши следы увидеть, так что иди осторожно.

Он без всяких усилий прошел через колючий кустарник и двинулся дальше, не касаясь стволов деревьев и ступая на такие места, где не видно следов. Балт неуклюже повторял его действия — тяжелая это для него была работа.

Они прошли еще с милю, и Балт спросил:

— Неужели Зогар Заг ловит леопардов и превращает их в гончих псов?

— Нет, этого леопарда он вызвал из леса.

— Если он может приказывать зверям, так почему же не пошлет их всех в погоню за нами?

Конан некоторое время молчал, потом отозвался сдержанно:

— Он не может приказать любому зверю. Он властен только над теми, кто помнит Иргала Зага.

— Иргал Заг? — с волнением повторил Балт древнее имя. Он слышал его раза три или четыре в жизни.

— Некогда ему поклонялись все живые существа. Это было давно, когда люди и звери говорили на одном языке. Но люди все забыли, да и звери тоже. Помнят лишь немногие. Люди, помнящие Иргала Зага и звери, что его помнят, считаются братьями и понимают друг друга.

Балт ничего не сказал: перед его глазами встали ворота, через которые приходили чудовища из дебрей.

— Цивилизованные люди смеются, — сказал Конан. — Но ни один не объяснит, каким это образом Зогар Заг вызывает из чащи удавов, тигров, леопардов и заставляет себе служить. Он даже может сказать мне, что это ложь, если осмелится. Таков обычай цивилизованных людей — они не желают верить в то, что не может объяснить их скромная наука.

Народ в Туране был не такой ученый, как остальные аквилонцы, они помнили древние легенды и верили им. Поэтому Балт, который видел все сам своими глазами, был уверен, что все сказанное Конаном — правда...

— Где-то в этих местах есть древняя роща, посвященная Иргалу Загу, — сказал Конан. — Я ее не нашел. Но рощу эту помнят многие звери...

— Значит, и другие пойдут по нашему следу?

— Уже пошли, — ответил Конан. — Зогар Заг не доверил бы такое важное дело одному животному.

— Что же нам делать? — взволнованно спросил Балт. Ему казалось, что еще минута — и со всех сторон в него вонзятся когти и клыки.

— Подожди-ка!

Конан отвернулся, встал на колени и начал вырезать ножом на земле какой-то знак. Балт глянул через плечо и ничего не понимал. Какой-то странный стон пробежал по ветвям, хотя ветра не было. Конан поднялся и угрюмо поглядел на свою работу.

— Что это? — прошептал Балт. Рисунок был непонятный и явно древний. Юноша полагал, что он незнаком ему по неграмотности. Но его не смог бы понять и ученейший из мужей Аквилонии.

— Я видел этот знак, вырезанный на камне в пещере, куда миллион лет не ступала человеческая нога, — сказал Конан. — Это было в безлюдных горах за морем Вилайет, за полсвета отсюда. Потом этот же знак начертывал в песке у безымянной реки один знахарь из страны Куш. Он мне и растолковал его значение. Этот знак — символ Иргала Зага и тех, кто ему

служит. Теперь смотри!

Они отступили в кустарник и стали в молчании ждать. На востоке били барабаны, им отзывались другие, на севере и западе. Балт задрожал, хотя и знал, что многие мили леса отделяют его от тех, кто бил в эти барабаны.

Он и сам не заметил, как затаил дыхание. Потом листья с легким шорохом разошлись и на тропу вышла великолепная пантера. Блики лунного света играли на ее блестящей шкуре.

Она наклонила голову и двинулась к ним — почуяла след. Потом вдруг встала и начала обнюхивать начерченный на земле знак. Время шло; пантера пригнула свое длинное тело к земле и стала отбивать поклоны перед знаком. Балт почувствовал, как волосы шевелятся у него на голове. Огромный хищник выказывал страх и почтение знаку.

Пантера поднялась и, касаясь брюхом земли, осторожно отошла и, словно охваченная внезапным страхом, помчалась и скрылась в зарослях.

Балт вытер лоб дрожащей рукой и посмотрел на Конана. Глаза варвара пылали огнем, не виданным у цивилизованных людей. Сейчас он принадлежал к дикому древнему миру, от которого у большинства людей и воспоминаний не осталось.

А потом этот огонь погас и Конан в молчании продолжил путь через дебри.

— Зверей можно не бояться, — сказал он наконец. — Но этот знак увидят и люди и сразу поймут, что мы свернули к югу. Но поймать нас без помощи зверей будет не так-то легко. В лесах к югу от дороги будет полно воинов. Если мы будем двигаться днем, непременно на них нарвемся. Так что лучше найдем подходящее место и дождемся ночи, а тогда повернем к реке. Нужно предупредить Валанна, но мы ему не поможем, если позволим прикончить себя.

— Предупредить? О чем?

— Проклятье! Леса вдоль реки кишат пиктами! Вот почему они нас поймали. Зогар затеял войну, а не обычный набег. Он сумел соединить пятнадцать или шестнадцать кланов. С помощью магии, конечно: за колдуном пойдут охотнее, чем за вождем. Ты видел толпу в деревне, а на берегу прячутся еще сотни. И с каждой минутой прибывают новые. Тут будет не меньше трех тысяч воинов. Я лежал в кустах и слышал их разговор, когда они проходили мимо. Они хотят штурмовать форт. Когда — не знаю, но Зогар долго тянуть не будет. Он их собрал и взвинтил. Если не повести их в бой, они перегрызут глотки друг другу.

Возьмут они форт или нет — неизвестно, но предупредить людей надо. Поселенцам вдоль велитрийской дороги нужно бежать или в форт, или в город. Пока одни пикты будут осаждать форт, другие пойдут дальше, к Громовой Реке, а там столько усадеб...

Они углублялись все дальше и дальше в чащу, пока киммериец не хмыкнул от удовольствия. Деревья стали реже и началась идущая на юг каменная гряда. А на голом камне даже пикт никого не высledит.

— Как же ты спасся? — спросил юноша.

Конан похлопал себя по кольчуге и шлему.

— Если бы пограничники носили такие железки, то меньше черепов было бы в святилищах пиктов. Но они не умеют ходить в них бесшумно. Словом, пикты ждали нас по обе стороны тропы и замерли. А когда пикт замирает, то его не увидит даже лесной зверь, хоть и пройдет в двух шагах. Они заметили нас на реке и заняли позицию. Если бы они устроили засаду после того, как мы высадились, то я бы уж ее учゅял. Но они уже ждали, так что даже лист не шелохнулся. Тут и сам дьявол ничего бы не заподозрил. Вдруг я услышал, как натягивается тетива. Тогда я упал и крикнул людям, чтобы тоже падали, но они были слишком медлительны и просто дали себя перебить.

Большинство погибли от стрел сразу — их пускали с двух сторон. Некоторые попали даже друг в друга — я слышал, как они там завывали...

Довольная улыбка тронула его губы. — Те, кто остался в живых, бросились в лес и схватились с врагом. Когда я увидел, что все убиты или схвачены, то пробился в лес и стал прятаться от этих раскрашенных чертей. Я и бежал, и полз, и на брюхе в кустах лежал, а они шли со всех сторон. Сначала я хотел вернуться на берег, но увидел, что они только этого и ждут.

Я бы пробился и даже переплыл реку, но услышал, как в деревне бьют барабаны. Значит, кого-то схватили живьем.

Они были настолько увлечены фокусами Зогара, что я смог перелезть через частокол за святилищем. Тот, кто должен был стеречь это место, пялился на колдуна из-за угла. Пришлось подойти к нему сзади и свернуть шею — бедняга и понять ничего не успел. Его копьем поражен змей, а его топор у тебя.

— А что за гадину ты убил в святилище? — вспомнил Балт и вздрогнул, представив это зрелище.

— Один из богов Зогара. Беспамятное дитя Иргала Зага — вот он его и держал на цепи. Обезьяна-бык. Пикты считают ее символом Лохматого Бога, что живет на луне — бога-гориллы по имени Гуллах.

Место здесь удачное. Тут и дождемся ночи, если нам не станут наступать на пятки.

Перед ними был невысокий холм, заросший деревьями и кустами. Лежа между камнями, они могли наблюдать за лесом, оставаясь невидимыми. Пиктов Балт уже не опасался, но вот зверей Зогара побаивался. Он стал сомневаться в магическом знаке, но Конан успокоил его.

Небо между ветвями начало бледнеть. Балт начал испытывать голод. Барабаны вроде бы умолкли. Мысли юноши вернулись к сцене перед святилищем.

— Зогар Заг был весь в страусиных перьях, — сказал он. — Я видел такие у рыцарей с востока, которые приезжали в гости к нашим баронам. Но ведь в этих лесах страусы не водятся?

— Эти перья из страны Куш, — ответил Конан. — Далеко к западу отсюда лежит берег моря. Время от времени к нему пристают корабли из Зингара и продают тамошним племенам оружие, ткани и вино в обмен на шкуры, медную руду и золотой песок. Торгуют и страусиными перьями — они берут их у стигийцев, а те, в свою очередь, у черных племен страны Куш. Пиктийские колдуны хорошо платят за эти перья. Только опасная это торговля. Пикты так и норовят захватить корабль, поэтому побережье пользуется дурной славой у моряков. Я там бывал с пиратами с островов Бараха, что лежат к югу от Зингара.

Балт с удивлением посмотрел на спутника.

— Я знаю, что ты не всю жизнь проторчал на границе. Тебе, наверное, пришлось много постранствовать?

— Да, забирался я так далеко, как ни один человек моего народа. Видел все большие города гиборийцев, шемитов, стигийцев и гирканцев. Скитался по неведомым землям к западу от моря Вилайет. Был капитаном наемников, корсаром, мунганом, нищим бродягой и генералом — эх! Не был только королем цивилизованной страны, да и то, может, стану, если не помру.

Мысль эта показалась ему забавной, он улыбнулся. Потом потянулся и вольготно развалился на камне.

— Но и здешняя жизнь неплоха, как и всякая другая. Я не знаю, сколько прожили на границе — неделю, месяц, год. У меня бродяжья натура — в самый раз для пограничья.

Балт внимательно наблюдал за лесом, каждую минуту ожидая, что из листвы покажется размалеванное лицо. Но проходили часы, и ничто не нарушало покоя. Балт уже решил, что пикты потеряли след и прекратили погоню. Конан оставался озабоченным.

— Мы должны выследить отряды, которые прочесывают чащу. Если они и прекратили погоню, то для того, что появилась лучшая добыча. Значит, они собираются переплыть реку и напасть на форт.

— Значит, мы ушли так далеко на юг, что они потеряли след?

— След потеряли, это ясно, иначе они уже давно были бы тут. При других обстоятельствах они перетряхнули бы весь лес по всем направлениям. И тогда мы бы хоть одного-двух заметили. Значит, точно — переплавляются через реку. Не знаю только, на сколько они ушли вниз по течению. Надеюсь, что мы еще ниже. Что ж, попытаем счастья.

Они начали спускаться с камней. Балту все время казалось, что его спина — мишень для стрел, могущих вылететь в любую минуту из засады. Но Конан был уверен, что врагов поблизости нет — и оказался прав.

— Сейчас мы на много миль южнее деревни. Пойдем прямо к реке.

И с поспешностью, которая показалась Балту излишней, они двинулись на восток. Лес словно вымер. Конан полагал, что все пикты собрались в районе Гавели, если еще не форсировали реку. Впрочем, они вряд ли сделали бы это днем. Кто-то из следопытов наверняка их заметил и поднял тревогу. Они переправятся выше и ниже форта, там, где стража их не увидит. Потом остальные сядут в челны и направятся туда, где частокол спускается в воду. И нападут на форт со всех сторон. Они и раньше пробовали это сделать, но безуспешно. А сейчас у них достаточно людей для штурма.

Они шли не останавливаясь, хотя Балт с тоской поглядывал на белок, снующих между ветвей — их так легко было достать броском топора! Он вздохнул и потуже затянул пояс. Тишина и мрак, царящие в дебрях, начали его угнетать. Он возвращался мыслями на солнечные луга Турана, к отцовскому дому с островерхой крышей, к упитанным коровам, щиплющим сочную траву, к своим добрым друзьям — жилистым пахарям и загорелым пастухам.

В обществе варвара он чувствовал себя одиноким. Конан был в лесу настолько своим, насколько он сам чужим. Киммериец мог годами жить в больших городах и быть запанибратом с их владыками, могла в один прекрасный день исполниться безумная его мечта стать королем цивилизованной страны — такие вещи случались. Но он не перестал бы быть варварам. Ему были знакомы лишь самые простые законы жизни. Волк останется волком, если даже случай занесет его в стаю сторожевых псов.

Тени удлинились, когда они вышли на берег реки и огляделись из-за кустов. Видно было примерно на милю туда и сюда. Берег был пуст.

— Здесь опять придется рискнуть. Переплыть реку. То ли они переплавились, то ли нет. Может, их полно на том берегу. Но мы должны рискнуть.

Зазвенела тетива, и Конан пригнулся. Что-то вроде солнечного зайчика мелькнуло между ветвями — это была стрела.

Конан тигриным прыжком преодолел кусты. Балт увидел только блеск стали и услышал глухой вскрик. Потом двинулся вслед за киммерийцем.

Пикт с рассеченной головой лежал на земле и царапал пальцами траву. Шестеро остальных кружились возле Конана. Луки они отбросили за ненадобностью. Узоры на их лицах и телах были незнакомы аквилонцу.

Один из них метнул топор в юношу, подбегавшего с ножом в руке. Балт уклонился и перехватил руку врага с кинжалом. Оба упали и покатились по земле. Пикт был силен как дикий зверь.

Балт напряг все силы, чтобы не выпустить руки дикаря и воспользоваться своим топором, но все попытки кончались неудачей. Пикт отчаянно вырывал руку, не отпуская топора Балта и колотя его коленом в пах. Внезапно он попытался переложить кинжал из одной руки в другую, оперся на колено и Балт, воспользовавшись этим, молодецким ударом топора раскроил ему лоб.

Юноша вскочил на ноги и стал искать спутника, опасаясь, что враги одолели его числом. И только тогда он понял, как страшен и опасен в бою киммериец. Двух врагов Конан уже уложил,

распластав мечом почти до пояса. Третий замахнулся коротким мечом, но Конан парировал удар и подскочил к дикарю, решившему поднять лук и пустить его в дело. Прежде чем пикт успел выпрямиться, кровавый клинок рухнул вниз, перерубив его от плеча до груди и застряв в ней. С обеих сторон атаковали киммерийца двое оставшихся, но одного Балт успокоил метким броском топора. Конан бросил застрявший меч и повернулся к врагу с голыми руками. Коренастый пикт, на голову ниже его, замахнулся топором и одновременно ударили ножом. Нож сломался о доспехи киммерийца, топор же застыл в воздухе, когда железные пальцы Конан сомкнулись на запястье врага. Громко хрустнула кость, и Балт увидел, как скорчился от боли пикт. В следующий миг он взлетел над головой киммерийца, все еще вереща и пинаясь. Потом Конан грохнул его об землю с такой силой, что тот подпрыгнул и лег замертво. Было ясно, что у него сломан позвоночник.

— Идем! — Конан вытащил свой меч и поднял топор. — Бери лук, несколько стрел и вперед! Теперь вся надежда на ноги. Они слышали крики и сейчас будут здесь. Если мы поплыvем сейчас, нас нашпигуют стрелами раньше, чем мы выплыvем на стрежень!

6. КРОВАВЫЕ ТОПОРЫ ПОГРАНИЧЬЯ

Конан не стал слишком углубляться в лес. Через несколько сотен шагов от реки он изменил направление и направил бег вдоль берега. Позади слышались вопли лесных людей. Балт понял, что пикты добежали до поляны с убитыми. Беглецы все-таки оставили следы, которые мог прочитать любой пикт.

Конан прибавил ходу, Балт старался не отставать, хоть и чувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Он держался, собрав все силы воли. Кровь стучала у него в ушах так громко, что он не заметил, когда крики за спиной смолкли.

Конан остановился. Балт обхватил ствол дерева и тяжело отпыхивался.

— Они бросили это дело, — сказал Конан.

— Они подкрады... ваются... к нам! — просипел Балт.

— Нет. Когда погоня короткая, как сейчас, они верещат каждую минуту. Нет. Они повернули назад. Я слышал, как кто-то звал их перед тем, как прекратился этот гвалт. Их позвали назад. Для нас это хорошо, для гарнизона форта — скверно. Значит, воинов выводят из леса для штурма. Те, с которыми мы дрались, из какого-то племени в низовьях реки. Несомненно, они шли к Гавели, чтобы присоединиться к остальным, мы должны переплыть реку во что бы то ни стало.

И, повернув на запад, побежал сквозь чащу, даже не пытаясь скрываться. Балт поспешил за ним и только сейчас почувствовал боль в боку

— пикт его укусил. Внезапно Конан остановился и задержал аквилонца. Балт услышал ритмичный плеск и увидел сквозь листву плывущую вверх по реке долбленку. Единственный ее пассажир изо всех сил махал веслом, преодолевая течение. Это был крепко сложенный пикт с пером цапли, воткнутым за медный головной обруч.

— Человек из Гавели, — пробормотал Конан. — Посланец Зогара. Об этом говорит белое перо. Он ездил предлагать мир племенам в низовьям, а теперь торопится принять участие в резне.

Одинокий посланник находился уже против их укрытия, когда у Балтара от удивления чуть глаза на лоб не вылезли. Прямо над ухом у него зазвучала гортанная речь пикта. Тут он понял, что это Конан окликает гонца на его родном языке. Пикт вздрогнул, обвел взглядом заросли и что-то ответил; потом направил долбленку к западному берегу. Балт почувствовал, что Конан забирает у него поднятый на поляне лук и одну из стрел.

Пикт подвел лодочонку к берегу, и, всматриваясь в заросли, что-то крикнул. Ответом ему был молниеносный полет стрелы, которая вонзилась ему в грудь по самое оперение. Со сдавленным хрипом пикт перевалился через борт и упал в воду. Мгновенно Конан оказался там же, чтобы схватить уплывавшую долбленку. Балт приковылял за ним и, ничего уже не соображая, залез в лодку. Конан схватил весло и помчал долбленку к противоположному берегу. С завистью глядел на него Балт: видно, этому железному воину незнакома усталость!

— Что ты сказал пикту? — спросил юноша.

— Чтобы он пристал к берегу, потому что за рекой сидит белый следопыт и может подстрелить его.

— Но это же нечестно, — сказал Балт. — Он-то думал, что с ним говорит друг. А здорово у тебя получается по-ихнему!

— Нам была нужна его лодка, — проворчал Конан. — Нужно было приманить его к берегу. Что лучше — обмануть пикта, который бы рад с нас шкуру спустить, или подвести людей за рекой, чья жизнь зависит теперь от нас?

Пару минут Балт размышлял над этой нравственной проблемой, потом пожал плечами и

спросил:

— Далеко мы от форта?

Конан показал на ручей, который впадал в Черную Реку на расстоянии полета стрелы от них.

— Вот Южный Ручей. От его устья до форта десять миль. Это южная граница Конайохары. За ним на много миль тянутся болота. С этой стороны они напасть не могут. Девятью милями выше форта Северный Ручей образует другую границу. За ним тоже болота. Вот почему нападение возможно только со стороны реки. Конайохара похожа на копье в девятнадцать миль шириной, вонзившееся в Пиктийские Дебри.

— Так почему бы нам не подняться вверх по реке на лодке?

— Потому, что пришлось бы бороться с течением и тратить время на повороты. Пешком быстрее. Кроме того, помни, что Гавели находится южнее форта. Если пикты переправились, мы попадем прямо к ним в лапы.

Уже начало смеркаться, когда они вышли на восточный берег. Конан сразу же двинулся на север быстрым шагом. Ноги у Бальта заныли.

— Валанн предлагал построить два форта возле обоих ручьев. Таким образом река все время была бы под наблюдением. Но правительство не разрешило. Спесивые болваны, сидят на бархатных подушках, а голые девки на коленях подают им вино... Знаю я эту публику. Они ничего не видят за пределами своих хором. Дипломатия, черт побери! Они хотят завоевать пиктов теориями об территориальной экспансии. И такие дельные люди, как Валанн, вынуждены выполнять распоряжения этой банды идиотов! Им так же удастся захватить земли пиктов, как восстановить Венариум! И час придет — они увидят варваров на стенах восточных городов!

Неделю назад Бальт, возможно, только рассмеялся бы над этим. Теперь он молчал, познакомившись с необузданной яростью племен, живших у границы.

Впереди послышался какой-то звук. Конан выхватил меч и медленно опустил его, когда из-за кустов вышел пес — огромный, тощий, покрытый ранами.

— Это собака колониста, который строил дом на берегу реки в двух милях южнее форта, — сказал Конан. — ясно, что пикты убили его и дом спалили. Мы нашли его труп на пепелище. Пес лежал без памяти рядом с тремя пиктами, которых он загрыз. Они почти пополам его перерубили. Мы отнесли его в форт и перевязали. Он чуть поправился, сразу сбежал в лес... Ну, что, Рубака, все ищешь тех, что убили твоего хозяина?

Пес покачал тяжелой головой и сверкнул зелеными глазами. Он не рявкнул, не зарычал — молчком встал рядом с ними.

Бальт улыбнулся и ласково погладил его по шее. Пес ощерил клыки, потом склонил голову и как-то неуверенно завилял хвостом — он давно отвык от человеческого обращения.

Рубака помчался вперед, и Конан ему не препятствовал. Сумерки сменились полной темнотой. Они проходили милю за милей. Пес бежал все так же молчком. Внезапно он остановился и навострил уши. Через минуту и люди услышали где-то вдали дьявольский вой.

Конан яростно выругался.

— Они напали на форт! Мы опоздали! Вперед!

Он прибавил ходу, рассчитывая на то, что собака вовремя почует засаду. От волнения Бальт забыл о голоде и усталости. Вопли впереди становились все громче. К завыванию прибавились четкие военные команды защитников форта. Когда Бальт совсем уже испугался, что они нарвутся на дикарей, Конан отвернулся от реки и привел их на невысокий холм. Отсюда они увидели форт, освещенный факелами, а под его стенами толпу голых раскрашенных людей. На реке было множество лодок. Пикты окружили форт со всех сторон.

Непрерывный поток стрел из леса и с реки обрушивался на частокол. Вой тетив заглушал вопли людей. Вереща и размахивая топорами, сотни две воинов бросились к восточным воротам. Они были в полутораста шагах от цели, когда смертоносный залп из луков со стены покрыл землю их телами. Оставшиеся бежали под защиту леса. Те, что в лодках, направились к береговым укреплениям, но и там их обстреляли из метательных машин — камни и бревна полетели с неба, разбивая и топя лодки вместе с их экипажами. И здесь нападавшим пришлось отступить. Победный рев донесся со стен форта. Ответом ему был звериный вой.

— Попробуем пробиться? — спросил Бальт.

Конан отрицательно помотал головой. Он стоял, опустив голову и заложив руки за спину, печальный и задумчивый.

— Форт не спасти. Пикты впали в боевое безумие и не отступят, пока все не погибнут. Но их слишком много. Даже если бы нам удалось пробиться, это бы ничего не изменило. Мы погибли бы рядом с Валанном, только и всего.

— Что же нам делать, кроме как спасать собственные задницы?

— Нужно оповестить колонистов. Ты понимаешь, почему пикты не поджигают форт стрелами? Они не хотят, чтобы пламя всполошило людей на востоке. Они собираются взять форт и двинуться на восток, пока никто ничего не знает. Может, они даже рассчитывают переправиться через Громовую и с ходу взять Велитриум. Во всяком случае они уничтожат все живое между фортом и Громовой Рекой.

Защитников форта мы не предупредили. Да вижу теперь, что это бы и не помогло. Слишком мало сил и людей. Еще несколько приступов, и пикты будут на стенах. Но мы можем предупредить тех, кто живет по дороге в Велитриум. Вперед!

И они пошли, слыша позади рев, который то усиливался, то затухал. Вопли пиктов сохраняли прежнюю ярость.

Внезапно открылась дорога, ведущая на восток.

— Теперь бегом! — бросил Конан. Бальт стиснул зубы. До Велитриума было двенадцать миль, да добрых пять до Ручья Скальпов, где начинались первые поселения. Аквилонцу казалось, что он бежит и сражается уже целый век.

Рубака бежал впереди, обнюхивая дорогу. Вдруг пес глухо зарычал — это был первый услышанный от него звук.

— Неужели пикты впереди? — Конан опустился на колено и стал рассматривать дорогу. — Знать бы, сколько их. Наверное, только группа. Не дождались взятия форта и побежали вперед, чтобы перерезать людей спящими. Ну, бежим!

Наконец они увидели впереди свет между деревьями и дикий жестокий вой пронзил им уши. Дорога здесь делала поворот, и они срезали путь сквозь кустарник. Через минуту им открылась ужасная картина. На дороге стояла повозка с нехитрым скарбом. Она горела. Волны валялись с перерезанными глотками. Неподалеку лежали изуродованные тела мужчины и женщины. Пятеро пиктов плясали вокруг, потрясая окровавленными топорами.

Красный туман застлал на миг глаза юноши. Он вскинул лук, прицелился в пляшущую фигуру, черную на фоне огня, и спустил тетиву. Грабитель подскочил и упал мертвым со стрелой в сердце. А потом двое белых воинов и пес напали на растерявшихся пиктов. Конана воодушевлял дух борьбы и очень древняя расовая ненависть, Бальт же пылал гневом.

Первого пикта, вставшего у него на дороге, он встретил убийственным ударом по раскрашенному лбу, и, отшвырнув падающее тело, бросился на остальных. Но прыжок аквилонца опоздал: Конан уже убил одного из тех, кого присмотрел для себя, второй же был пронзен его мечом раньше, чем юноша успел поднять топор. Обернувшись к последнему пикту, Бальт увидел, что над его телом стоит пес Рубака и кровь капает с его могучих челюстей.

Балт молча посмотрел на изрубленные тела у повозки. Колонисты были молоды, она — совсем еще девочка. По случайности лицо ее осталось нетронутым и даже в момент мучительной смерти осталось прекрасным. Но зато тело... Балт с трудом проглотил слюну и все поплыло у него перед глазами. Ему хотелось упасть на землю, рыдать и грызть траву в отчаянии.

— Эта парочка направлялась в форт, когда их встретили пикты, — сказал Конан, вытирая меч. — Парень, наверное, хотел наняться в солдаты или взять участок в верховьях реки. Вот что будет с любым мужчиной, женщиной или ребенком по эту сторону Громовой Реки, если мы не поторопимся в Велитриум.

Колени Балты подкашивались, когда он пошел за Конаном. Но шаг киммерийца по-прежнему оставался широким и легким, словно у бежавшей рядом собаки. Рубака уже не рычал и не опускал голову. Дорога была свободна. Шум от реки был уже почти не слышен, но Балт верил, что форт еще держится. Вдруг Конан с проклятием остановился.

Он показал Балту на колею, которая сворачивала к северу от дороги. Колея заросла кустами, но сейчас они были сломаны или пригнуты. Чтобы убедится в этом Балту понадобилось прикосновение руки, а Конан же, казалось, видит в темноте не хуже кошки. Дальше широкий след повозки сворачивал прямо в лес.

— Поселенцы поехали за солью на солонцы, — проворчал он. — Проклятие! Это на краю болот в девяти милях отсюда. Их отрежут и перебьют. Слушай! Ты один здесь справишься. Беги вперед, поднимай всех и гони в Велитриум. Я пойду за теми, что собирают соль. На дорогу мы уже не вернемся, пойдем прямо по лесу.

И, не сказав больше ни слова, Конан свернул в сторону и пошел по заросшей дороге. Балт посмотрел ему вслед и двинулся своим путем. Пес остался с ним и бежал рядом. Но не успел Балт сделать и сотни шагов, послышалось рычание. Он обернулся и увидел, что там, куда свернул Конан колышется мертвенно-бледный призрачный свет. Рубака продолжал рычать, шерсть поднялась дыбом у него на загривке. Балт вспомнил жуткий призрак, что неподалеку отсюда похитил купца Тиберия и заколебался. Тварь, несомненно, преследовала Конана. Но великан-киммериец уже не раз доказал ему, что прекрасно защитит себя сам, а его долг предупредить беззащитных людей, которые оказались на пути кровавого урагана. Вид изрубленных тел у повозки был для него страшнее всяких призраков.

Он поспешил перешел через Ручей Скальпов и оказался возле первой хижины колонистов — длинной, невысокой, сложенной из грубо отесанных бревен.

Недовольный голос спросил, чего ему надо.

— Вставайте! Пикты перешли реку!

Дверь немедленно открыла женщина. В одной руке она держала свечу, в другой — топор. Лицо ее было бледным.

— Входи! — закричала она. — Отобъемся в доме!

— Нет, вам надо уходить в Велитриум. Форт их надолго не задержит. Может, он уже взят. О доме не думай, хватай детей и беги!

— Но мой-то пошел с людьми за солью! — заревела она, ломая руки. Из-за ее спины выглянули растрепанные головенки троих ребятишек, моргавших спросонья.

— За ними пошел Конан, он их выведет. Нам нужно идти, чтобы предупредить других.

Она облегченно вздохнула.

— Хвала Митре! Если за ними пошел киммериец, то они в безопасности. Никто из смертных не защитит их лучше!

Она поспешила подхватила на руки младшего и, гоня перед собой двух других, вышла из хижины. Балт взял свечу и погасил ее, прислушиваясь. На дороге было тихо.

— Лошадь у вас есть?

— Да, в стойле. Ох, быстрее!

Он отодвинул ее в сторону и сам открыл засов. Потом вывел коня и посадил на него детей, наказав, чтобы держались за гриву и друг за друга. Они смотрели на него серьезно и молчали. Женщина взяла поводья и пошла по дороге. Топор она несла в руке и Балт был уверен, что в случае чего она будет биться, как пантера.

Он шел сзади и прислушивался. Его преследовала мысль, что форт уже пал и что темнокожая орда несется сейчас по дороге, опьяненная от пролитой крови и жаждущая новой. Они будут нестись, как стая голодных волков.

Наконец, он увидел в темноте силуэт следующей хижины. Женщина хотела крикнуть хозяевам, но Балт ее удержал. Он подошел к двери и постучал. Ему ответил женский голос. Он объяснил в чем дело и обитатели хижины живо выскочили из нее — старуха, две молодые женщины и четверо детей. Мужчины у них тоже отправились на солонцы. Одна из женщин остолбенела, другая была близка к истерике. Но старуха, уроженка пограничья, живо ее утихомирила, помогла Бальту вывести двух лошадей из сарая за хижиной и усадила на них детей. Балт и ей посоветовал ехать верхом, но она приказала сделать это одной из невесток. — Она ждет ребенка, — пояснила старуха. — А я смогу идти пешком. И драться, если это понадобиться.

Когда тронулись, одна из молодух сказала:

— Вечером по дороге ехали двое. Мы им посоветовали переночевать у нас, но они спешили в форт. Что с ними?

— Они встретили пиктов, — кратко ответил Балт, и женщина зарыдала.

Едва хижина скрылась из виду, где-то вдали послышался высокий протяжный вой.

— Волк! — сказала одна из женщин.

— Раскрашенный волк с топором, — проворчал Балт. — Идите! Поднимайте всех колонистов по дороге и ведите с собой. Я посмотрю, что у нас за спиной.

Старуха молча повела своих подопечных дальше. Когда они уже пропадали во мраке, Балт увидел бледные овалы детских лиц, обращенных к нему. Он вспомнил своих родных в Туроне и в голове у него помутилось. Все тело ослабло, он застонал и опустился на дорогу, обхватив рукой шею Рубаки, который немедленно принялся облизывать ему щеки.

Юноша поднял голову и через силу улыбнулся.

— Пойдем, парень, — сказал он вставая. — Нас ждет работа.

Алое зарево вспыхнуло между деревьями. Пикты подожгли первую хижину. Вот бы взбесился Зогар Заг, если бы узнал об этом! Ведь огонь встревожит всех, кто живет вдоль дороги. Когда первые беглецы придут туда, все будут уже наготове. Но тут лицо юноши помрачнело. Женщины двигались медленно, лошади были тяжело нагружены. Быстрононогие пикты легко догонят их... Он занял позицию за грудой бревен, сваленных у дороги. Путь на запад освещала горящая хижина, и, когда пикты подошли, он увидел их первым — черные притаившиеся фигуры.

Он натянул тетиву до уха и одна из фигур рухнула на землю. Остальные рассыпались по кустам вдоль дороги. Рубака завыл возле его ног от нетерпения. Еще один силуэт появился на дороге, подбирайсь к завалу. Следующая стрела пробила ему бедро, пикт завыл и упал. Одним прыжком Рубака бросился в кусты, послышался шум и пес оказался снова рядом с Бальтом. Его пасть была в крови.

Никто больше не рискнул выйти на дорогу. Балт опасался, что его обойдут сзади, и, услышав шорох слева от себя, выстрелил наугад. Проклятье

— стрела вонзилась в дерево! Но Рубака бесшумно, как призрак, исчез, через минуту

раздались хруст и хрипение — и пес уже вытирал окровавленную морду об руку юноши. На шее пса была рана, но шуршать в кустах стало некому.

Люди, притаившиеся по обеим сторонам дороги сообразили, что случилось с их товарищем и решили, что лучше пойти в атаку открыто, чем быть задавленными этим невидимым демоном. Возможно, они поняли, что за бревнами только один стрелок. И все разом выскочили из своих укрытий. Стрелы поразили троих, двое оставшихся остановились. Один повернулся и побежал назад по дороге, но другой полез через бревна с топором. Бальт вскочил, но поскользнулся, и это спасло ему жизнь. Топор отсек только прядь волос с его головы, а пикт полетел вниз, увлеченный силой своего же удара. Прежде чем он поднялся, Рубака разорвал ему горло.

Наступило напряженное ожидание. Бальт размышлял; тот, кто убежал — был ли он последним? Скорее всего, это была небольшая банда, которая не участвовала в штурме форта или была отправлена на разведку перед основными силами. Каждая лишняя минута давала женщинам и детям возможность добраться до Велитриума.

Внезапно рой стрел прогудел над его головой. Дикий вой понесся из кустов. Или уцелевший привел подкрепление, или подошел следующий отряд. Хижина все еще пылала, слабо освещая дорогу. Пикты двинулись к нему, скрываясь за деревьями. Он пустил три последние стрелы и отшвырнул лук. Словно бы зная это, они подходили ближе, сохраняя молчание — в тишине слышался лишь топот ног.

Бальт пригнулся голову рычащему псу и сказал:

— Все в порядке, парень, мы еще вложим им ума!

И вскочил, подняв топор. Лезвия, острия, клыки — все сплелось в один клубок.

7. ДЕМОН В ОГНЕ

Свернув с дороги, Конан настроился бежать все девять миль. Но не одолел и четырех, как услышал, что впереди люди. По голосам он понял, что это не пикты, и прокричал приветствие.

— Кто идет? — спросил хриплый голос. — Стой, где стоишь, пока мы не поглядим на тебя, не то схлопочешь стрелу.

— В такой темноте ты и в слона не попадешь, — отозвался Конан. — Успокойся, дурень, это я, Конан. Пикты перешли реку.

— Так мы и думали, — сказал предводитель группы, когда они подошли ближе — высокие стройные люди с суровыми лицами и при луках. — Один из наших подранил антилопу и гнал ее почти до Черной Реки, но услышал, что внизу завыли и бегом вернулся в лагерь. Мы бросили соль и повозки, распряженных волов и бросились домой со всех ног. Если пикты осаждают форт, то банды грабителей пойдут по дороге к нашим домам.

— Ваши семьи в безопасности, — сказал Конан. — Мой друг повел их в Велитриум. Если вернемся на дорогу, то можем нарваться на всю орду. Значит, пойдем на юго-восток прямо через лес. Я буду прикрывать.

Через две минуты вся компания тронулась в путь. Конан шагал потише, держась на расстоянии голоса от остальных. Ну и шум же они подняли в лесу! Любой пикт или киммериец мог пройти здесь так, что никто бы и не услышал.

Переходя небольшую поляну, Конан почувствовал, что за ним следят. Он остановился в кустах, слыша удаляющиеся голоса колонистов. Потом кто-то стал звать его с той стороны, откуда они вышли:

— Конан! Конан! Подожди, Конан!

— Бальт! — воскликнул удивленный киммериец и сказал негромко: — Я здесь!

— Подожди меня, Конан! — голос звучал громче.

Конан нахмурился и вышел на поляну.

— Какого черта ты здесь делаешь? Клянусь Кромом!

Он осекся и дрожь пробежала по его спине. На той стороне поляны его ждал вовсе не Бальт. Странное свечение струилось между деревьев. Свечение двинулось к нему — мерцающий зеленый огонь, уверенно двигающийся к цели.

Свечение остановилось в двух шагах от Конана. Он старался распознать затуманенные светом очертания. Зеленый огонь имел материальную основу, он лишь окруживал какое-то враждебное живое существо, но какое? Тут, к удивлению воина, из светящегося столба зазвучал голос:

— Что же ты стоишь, как баран на бойне, Конан?

Голос был человеческий, но как-то странно вибрировал.

— Баран? — в гневе вскричал Конан. — Неужели ты думаешь, что я испугался поганого болотного демона? Меня позвал друг!

— Я кричал его голосом, — ответил демон. — Те, за которыми ты идешь, принадлежат моему брату — я не могу оставить его нож без их крови. Но ты мой. О глупец, ты пришел сюда с далеких серых холмов Киммерии, чтобы сгинуть в дебрях Конайохары!

— У тебя уже была возможность добраться до меня! — рявкнул Конан. — Почему же ты меня тогда не прикончил?

— Потому что брат мой тогда еще не покрасил черной краской череп и не бросил меня в огонь, что вечно горит на черном жертвеннике Гуллаха, еще не шепнул твоего имени духам тьмы, что навещают горы Мрачного Края. Но пролетел над Мертвыми Горами нетопырь и

нарисовал твой образ на шкуре белого тигра, которая висит перед большим домом, где спят Четверо Братьев Ночи. Огромные змеи выются у их ног, а звезды, словно светлячки, запутались в их волосах.

— Отчего же боги тьмы обрекли меня на смерть?

Что-то — рука ли, нога ли, коготь ли — метнулось из пламени и быстро начертило на земле знак. Знак вспыхнул и погас, но Конан узнал его.

— Ты осмелился нарисовать символ, который принадлежит только жрецам Иргала Зага. Гром прокатился над Мертвыми Горами и святилище Гуллаха рухнуло от вихря из Залива Духов. Этот вихрь, посланец Четырех Братьев Ночи, примчался и шепнул мне на ухо твое имя. Людям твоим конец. Сам ты уже мертв. Твоя голова повиснет на стене в святилище моего брата. Твое тело пожрут чернокрылые и остроклювые Дети Ихиля.

— Да что это, сто чертей, у тебя за брат? — спросил Конан. Меч уже был в его руке, теперь он потихоньку доставал топор.

— Зогар Заг, дитя Иргала Зага, который все еще навещает свою древнюю рощу. Женщина из Гавели проспала ночь в этой роще и понесла Зогара Зага. Я тоже родился от Иргала Зага и огненного существа из дальних земель. Зогар вызвал меня из Страны Туманов. С помощью заклинаний магии и собственной крови он облек меня в плоть этого мира. Мы с ним единое целое, соединенное невидимыми узами. Его мысли — мои мысли. Меня ранит удар, нанесенный ему, он истекает кровью, когда ранят меня. Но я уже и так много сказал. Теперь пусть душа твоя беседует с духами Мрачного Края. Они тебе и поведают о древних богах, которые не сгинули, а только дремлют в бездне и временами пробуждаются.

— Хотел бы я посмотреть, как ты выглядишь, — проворчал Конан и приготовил топор. — Ты оставляешь птичий след, горишь огнем и говоришь человеческим голосом...

— Ты увидишь, — донеслось из пламени. — Ты все узнаешь и унесешь это знание с собой в Мрачный Край.

Пламя вспыхнуло и опало, начало гаснуть. Стал вырисовываться туманный облик. Сначала Конан подумал, что это сам Зогар и есть, закутанный в зеленый огонь, но только он был куда выше ростом — выше самого Конана, и в лице было что-то дьявольское, хотя и были у него такие же раскосые глаза и острые уши, как у колдуна. Вот только глаза были красные, как угли.

Торс существа, длинный и тонкий, был покрыт змеиной чешуей. Руки были человеческими, зато ноги кончались трехпалыми лапами, как у гигантской птицы. По всему телу пробегали дрожащие синие огоньки.

И вдруг эта тварь повисла прямо над ним, хоть и не сделала никакого движения. Длинная рука, вооруженная серповидными когтями, взметнулась и устремилась к его шее. Конан дико закричал, отгоняя наваждение и отскочил в сторону, одновременно метнув топор. Демон уклонился от удара с невероятным проворством и снова окутался огнем.

Когда демон убивал других, его союзником был страх. Но Конан не боялся. Он знал, что каждое существо, облеченнное в земную плоть, может быть поражено оружием — как бы страшно это существо не выглядело.

Удар когтистой лапы сорвал с него шлем. Чуть ниже — и голова слетела бы с плеч. Жестокая радость охватила варвара, когда его меч вонзился в подбрюшье чудовища. Конан увернулся от следующего удара и освободил меч. Когти пропахали его грудь, разрывая звеня кольчуги, словно нитки. Но следующая атака киммерийца была подобна прыжку голодного волка. Он оказался между лап чудовища и еще раз с силой вонзил меч ему в брюхо. Он слышал, как длинные лапы разрывают кольчугу на спине, добираясь до тела, чувствовал, как холодный огонь окутывает его самого... Внезапно Конан вырвался из ослабевших лап и его меч совершил смертоносный взмах.

Демон зашатался и упал на бок. Голова его держалась на тонкой полоске шкуры. Искры, бегавшие по его телу, из голубых стали красными и покрыли все тело демона. Конан услышал запах горящего мяса, стряхнул с глаз кровь и пот, повернулся и побежал по лесу. По израненным рукам и ногам текла кровь. Потом он увидел где-то на севере зарево — возможно, горел дом. За спиной начался знакомый вой. Он побежал быстрее.

8. КОНЕЦ КОНАЙОХАРЫ

Стычки на берегах Громовой Реки; жестокое сражение под стенами Велитриума; немало потрудились топор и факел и не одна хижина превратилась в пепел, прежде чем отступила размалеванная орда.

Затишье после этой бури было особенным: люди, собираясь, говорили вполголоса, а воины в окровавленных бинтах пили свое пиво по тавернам и вовсе молчком.

В одной из таких таверн сидел Конан-киммериец и прихлебывал из огромной кружки. К нему подошел худощавый следопыт с перевязанной головой и рукой в лубке. Он один остался в живых из гарнизона форта Тусклан.

— Ты ходил с солдатами на развалины форта?

Конан кивнул.

— А я не мог, — сказал следопыт. — Драки не было?

— Пикты отступили за Черную Реку. Что-то их напугало, но только дьявол, их папаша, знает, что это было.

— Говорят, там и хоронить нечего было?

Конан кивнул.

— Один пепел. Пикты свалили все трупы в кучу и сожгли, прежде чем уйти. И своих, и людей Валанна.

— Валанн погиб одним из последних в рукопашной, когда они перелезли через частокол. Они хотели взять его живым, но он не дался — вынудил, чтобы его убили. Нас десятерых взяли в плен — мы слишком ослабели от ран. Девятерых зарезали сразу. Но тут сдох Зогар Заг. Мне удалось улучить минуту и бежать.

— Зогар Заг умер?! — воскликнул Конан.

— Умер. Я сам видел, как он подыхал. Вот почему у стен Велитриума пикты уже не сражались с прежней яростью. Странно все это было. В бою он не пострадал. Танцевал среди убитых, размахивал топором, которым прорубил голову последнему из моих товарищей. Потом завыл и бросился на меня, но вдруг зашатался, выронил топор, скрючился и завопил так, как ни одна зверюга не кричит перед смертью. Он упал между мной и костром, на котором они собирались меня поджарить, из пасти у него пошла пена, он вытянулся и пикты завопили, что он сдох. Пока они причитали, я освободился от веревок и убежал в лес.

Я хорошо рассмотрел его при свете костра. Никакое оружие его не коснулось, а ведь были у него раны в паху, в брюхе, шея чуть не перерублена... Ты что-нибудь понимаешь?

Конан не отозвался, но следопыт, зная, что варвары в этих делах разбираются, продолжал:

— Он колдовством жил и колдовства же сдох. Вот этой-то странной смерти и напугались пикты. Ни один из тех, кто это видел, не пошел под стены Велитриума, все ушли за Черную Реку. На Громовой сражались те, кто ушел раньше. А их было слишком мало, чтобы взять город.

Я ушел по дороге за их главными силами и точно знаю, что больше из форта никто не тронулся. Тогда я пробрался между пиктами в город. Ты к тому времени уже привел своих колонистов, но их жены и дети вошли в ворота прямо перед носом у этих разрисованных дьяволов. Если бы молодой Балт и старый Рубака не задержали их на какое-то время, конец был бы всем женам и детям в Конайохаре... Я проходил мимо того места, где Балт и пес приняли бой. Они лежали посреди кучи мертвых пиктов — я насчитал семерых со следами топора или клыков, а на дороге валялись и другие, утыканые стрелами. О боги, что это за схватка была!

— Он был настоящим мужчиной, — сказал Конан. — Я пью за его тень и за тень пса, не зневшего страха.

Он сделал несколько глотков. Особым загадочным движением вылил остатки на пол и разбил кружку.

— Десять пиктов заплатят за его жизнь своей и еще семь — за жизнь пса, что был храброй многих воинов.

И следопыт, поглядев в суровые, горящие голубым огнем глаза, понял, что варвар выполнит свой обет.

— Форт не будут отстраивать?

— Нет. Конайохара потеряна для Аквилонии. Границу передвинули. Теперь она проходит по Громовой Реке.

Следопыт вздохнул и поглядел на свою ладонь, грубую, как дерево, от топорища и рукояти меча. Конан потянулся за жбаном вина. Следопыт глядел на него и сравнивал со всеми остальными — и теми, что сидели рядом, и теми, что пали над рекой, и с дикарями, что жили за этой рекой. Конан не видел этого изучающего взгляда.

— Варварство — это естественное состояние человечества, — сказал наконец следопыт, печально глядя на киммерийца. — А вот цивилизация неестественна. Она возникла случайно. И в конце концов победит варварство.